

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1871 г.

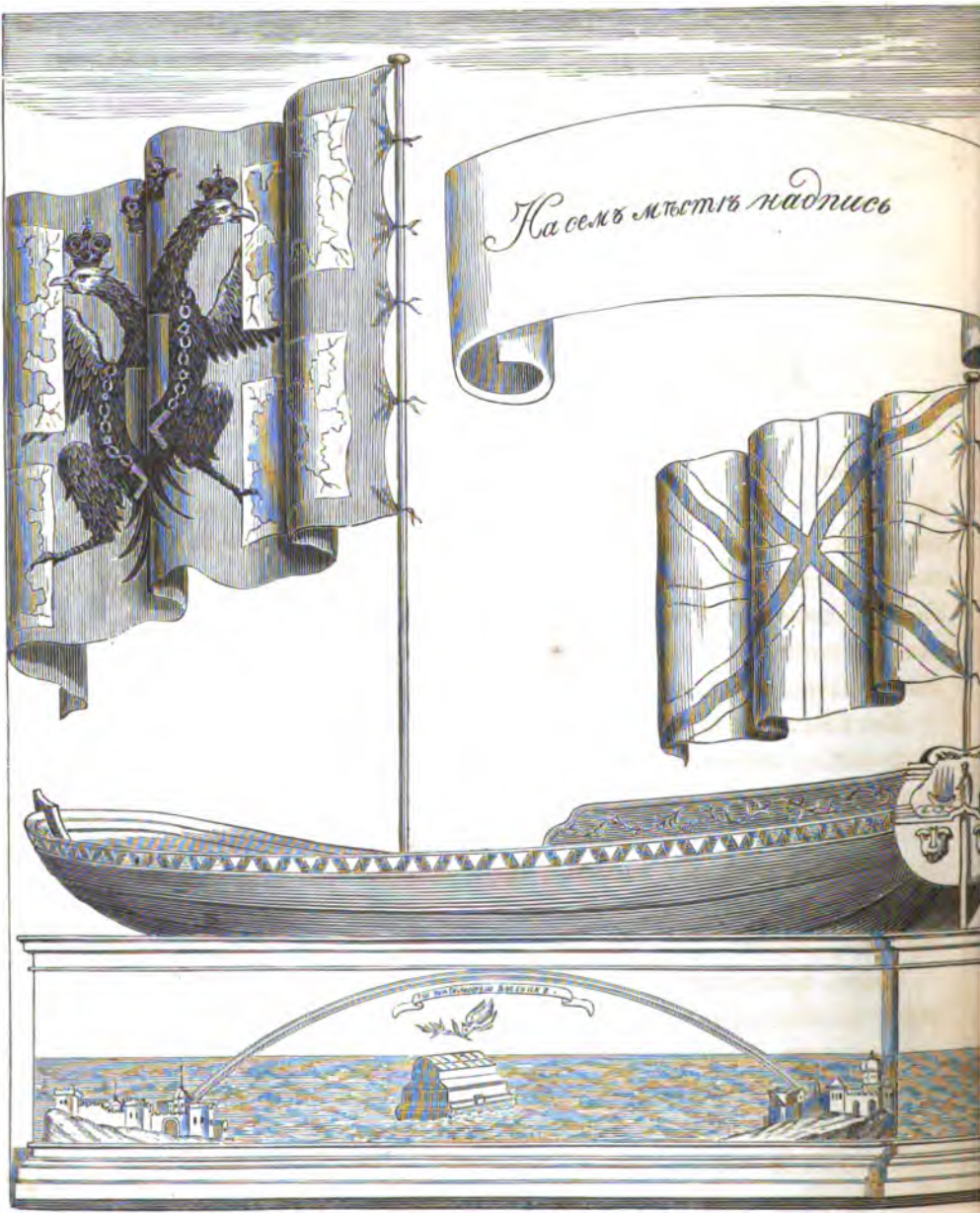
ТОМЪ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Печатня В. И. Головица, Владимирская, д. № 15.

1871.

ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА.

1688—1872.

ДѢДУШКА РУССКАГО ФЛОТА.

1888 — 1832.

Старинный петровскій ботикъ, носящій почетное названіе Дѣдушва русскаго флота, представляетъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ русскихъ историческихъ памятниковъ. Его уважаютъ какъ святыню, и оказываютъ почести какъ живому существу. Начало такого благоговѣйнаго почитанія ботика положено самимъ великимъ царемъ, который читилъ въ немъ предметъ, бывшій ближайшимъ поводомъ къ созданію русскаго флота.

Потѣшныя плаванія Петра, начавшіяся на Яузѣ, на ботикѣ «Дѣдушкѣ», постепенно принимая болѣе и болѣе серьезное направленіе, быстро отъ Яузы перешагнули къ океану; а потомство ботика, разросшееся въ сильныя флоты, приобрѣло для Россіи на сѣверѣ и на югѣ значительныя пространства морскихъ береговъ и своими боевыми подвигами успѣло заслужить уваженіе лучшихъ тогдашнихъ флотовъ.

Петръ чествовалъ свой ботикъ, какъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ сотрудниковъ; въ немъ онъ какъ бы олицетворялъ великую идею созданія флота и, съ другой стороны, почестями, отдаваемыми ботику «дѣду» выражалъ свою признательность заслугамъ славныхъ внуковъ.

Преемники великаго царя относились къ ботику съ такимъ же уваженіемъ, и если по какому-нибудь важному случаю ему приходилось показываться предъ народомъ, то явленіе это всегда было торжественно и сопровождалось почти царственными почестями.

Императоръ Николай Павловичъ, которому нашъ флотъ обязанъ своимъ возрожденіемъ, въ послѣдній разъ выводилъ «дѣ-

душеу» на кронштадтскій рейдъ, гдѣ для встрѣчи его собранъ былъ почти весь балтійскій флотъ. Чтобы дать понятіе, съ какимъ уваженіемъ отнесся въ этомъ случаѣ въ Петровскому ботику повоинный государь, довольно сказать, что онъ самъ трудился надъ составленіемъ церемоніала и общій планъ торжества былъ написанъ собственною его рукою.

Въ будущемъ 1872 году, въ двухсотлѣтнюю годовщину рожденія Петра Великаго, дѣдушкѣ русскаго флота предстоитъ посѣтить Москву, которая не видала его полтора столѣтій. По ходатайству его императорскаго высочества генералъ-адмирала флота, 12-го прошедшаго апрѣля, высочайше повелѣно перевести Петровскій ботикъ въ Москву, для помѣщенія въ морскомъ отдѣлѣ политехнической выставки.

Такимъ образомъ, старый ботикъ — «дѣдушка», послѣ долгаго отсутствія вновь явится въ первопрестольную Москву, которая, несмотря на свое удаленіе отъ морей, была истинною колыбелью русскаго флота: на Яузѣ происходили первыя плаванія Петра; на Сухаревой башнѣ помѣщалось первое морское училище или школа математическихъ и навигацкихъ наукъ; первыя галеры, бывшія подъ Азовомъ, строились подъ Москвою въ селѣ Преображенскомъ, и въ 1688 году, также близъ Москвы, совершенно случайно попался на глаза юному царю знаменитый въ послѣдствіи «дѣдушка» русскаго флота.

О нахождѣ ботика и важныхъ ея слѣдствіяхъ, самъ Петръ пишетъ слѣдующее *):

«Случилось намъ быть въ Измайловѣ, на лѣняномъ дворѣ и гуляя по амбарамъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда Никиты Ивановича Романова (двоюроднаго брата царя Михаила Ѳедоровича), между которыми увидѣлъ я судно иностранное, спросилъ Франца (Тимермана) что то за судно? онъ сказалъ, что то боть англійскій. Я спросилъ: гдѣ его употребляютъ? онъ сказалъ, что при корабляхъ, для ѣзды и возки. Я паки спросилъ: какое преимущество имѣетъ передъ нашими судами (по-неже видѣлъ его образомъ и крѣпостію лучше нашихъ)? Онъ мнѣ и сказалъ, что онъ ходитъ на парусахъ не только что по вѣтру, но и противъ вѣтру; которое слово меня въ великое удив-

*) Собственноручная записка Петра Великаго: «О началѣ судостроенія въ Россіи», хранящаяся въ государ. архивѣ.

леніе привело и якобы неимовѣрно».... Этотъ «ботъ англійскій» и сдѣлался дѣдушкою русскаго флота.

При взглядѣ на него душа страстнаго моряка сказалась въ Петрѣ и охота къ водянымъ потѣхамъ стала быстро возрастать. Немедленно по указанію Тимермана, учителя Петра, отысканъ былъ старикъ голландецъ Карштень-Брайтъ, служившій на кораблѣ Орлѣ*) товарищемъ корабельнаго пушкаря, а теперь заработывавшій себѣ хлѣбъ столярнымъ мастерствомъ. Онъ исправилъ ботикъ, сдѣлалъ къ нему мачту и парусъ, и сталъ съ Петромъ кататься на Яузѣ. Но какъ рѣка для лавировки была тѣсна, то ботъ перенесли въ Просяной прудъ. «Но и тамъ немного авантажу сыскалъ, пишетъ Петръ, а охота стала отъ часу быть болѣе». Съ того времени ботикъ оставался въ Москвѣ до послѣднихъ годовъ царствованія Петра Великаго.

Въ началѣ 1722 года, царь посѣтилъ Москву и, празднуя заключеніе Ништадтскаго мира, открывавшаго для Россіи Балтійское море, собирався въ новый походъ для завоеванія Каспійскаго. Въ это время Петръ оканчивалъ книгу морского регламента, напоминалъ москвичамъ о флотѣ, катаясь въ маскарадной процессіи по улицамъ, на особо устроенныхъ судахъ, и вспомнивъ о родоначальникѣ флота, старомъ ботикѣ, задумалъ перевезти его въ Петербургъ, поближе къ морю.

Корабельному подмастерью Пальчикову поручено было исправить ботикъ и, на докладѣ его, самимъ государемъ сдѣланы резолюціи:

Мемориаль:

Собственноручныя резолюціи царя:

(буквально).

1) Ботикъ когда запаяется, прикрыть-ли по мѣди бѣлилами?

Бѣлит.

2) Поправлять-ли старыя краски?

Поправлять, кромѣ шпигеля і гакаборта.

3) Рѣзба гдѣ пообилась, поправить-ли красками?

Не замат до меня.

4) Маштъ старой-ли будетъ или новой; ибо и новой дѣлають, для того (что) старой толстовать въ верху?

Новой готове, а бытъ старому каковоѣсть.

*) Сожженномъ въ Астрахани Стенькою Разиннымъ.

- 5) Бушприть надобно-ль? Здѣлат в запас привязной.
 6) Флагъ новый дѣлать-ли, и какой? Наверху штандартъ, а назади кеізеръ-олагъ дѣлать.
 7) Гюйсъ на бушприть дѣлать-ли? А старыхъ одинъ штандартъ, одинъ гюйсъ? Дѣлат.
 8) Руръ (руль) старой узокъ, не надѣюсь, чтобъ дѣйствителенъ былъ. Къ старому-ль сдѣлать надѣлку, или новой сдѣлать? Здѣлат новой, а в старому надѣлку приготовит, а не прибават і старова не трогат до меня.
 Исправя все ѣхат вам сюды *).

26 января (1722 г.) живописцу Ивану Петрову Зарудному были отданы надписи на «тумбу», приготовляемую для постановки ботика. Тумба эта была четырехугольное подножіе, украшенное картинами, сдѣланными, вѣроятно, по мысли Петра, тѣмъ же художникомъ. На сторонѣ, соотвѣтствующей кормѣ, было нарисовано море и надъ нимъ надпись дѣцкая утѣха; а на сторонѣ носа, также надъ моремъ, надпись: принесла мужескі триумфъ.

Съ одного бока подножія нарисованъ былъ корабль, идущій подъ парусами, и галера подъ веслами и надъ ними надпись: отъ Бога симъ токмо полученъ.

На другомъ боку: Ноевъ ковчегъ и надъ нимъ радуга, соединяющая два укрѣпленные приморскіе города. Къ ковчегу летитъ голубь съ вѣтвію и надъ нимъ надпись: сей вожделемъ вѣстникъ **).

Не совсѣмъ понятный смыслъ картины объясняется сходнымъ съ нею изображеніемъ на медали, выбитой въ память заключенія Ништадтскаго мира. Представленные на ней, соединенные радугою, города были: Петербургъ и Стокгольмъ, надъ которыми находилась надпись: соединены узами мира. Присутствіе же Ноева ковчега объяснилось другою надписью, служащею продолженіемъ первой: «Въ Нейштадтѣ послѣ потопа сѣверной войны 1721 г.». Картины и надписи подножія сохранились на одномъ совре-

*) Подлинный доклад бомбардиръ-лейтенанта Филипа Пальчикова сообщенъ «Русской Старинѣ» его правнукомъ А. В. Пальчиковымъ.

Ред.

**) Госуд. Арх. Кабинет. дѣлъ отд. 1, № 39.

менною рисункѣ, гравированномъ Иваномъ Зубовымъ и, конечно, рассмотрѣнномъ самимъ царемъ. Рисунокъ состоитъ изъ двухъ половинъ: на одной видна корма и одинъ бокъ ботика съ соотвѣствующими частями подножія, а на другой половинѣ носъ ботика и другой бокъ. На этой части рисунка, на карнизѣ подножія у самого пола, находится слѣдующая надпись: «Въ семъ же 1722 году, ботикъ сей первѣе народу выставленъ и презентованъ того ради, понеже Богоданнымъ нынѣ миромъ, плоды его паче извѣстны и крѣпко утверждены стали и миръ сей плодомъ его не должно нарециса можетъ». Кромѣ того сверху ботика, на каждой половинѣ рисунка находятся надписи, относящіяся къ исторіи ботика. На лѣвой половинѣ рисунка: «Судно сіе водное, хотя мѣроу малое, и только къ потѣшному на малыхъ водахъ игранію построенное, но потомъ явилоса аки плодосное семя великаго въ Россіи корабельнаго флота, и вину подало слѣдовавшимъ преславнымъ дѣламъ, таковымъ случаемъ, или паче Божиимъ смотрѣніемъ: державнѣйшій государь Петръ Великій, императоръ и самодержецъ всероссійскій, еще въ началѣ царствованія своего, пришедъ въ нѣкоторое время въ Измайловъ, и гуляя по амбарахъ, гдѣ лежали остатки вещей дому дѣда его Никиты Ивановича Романова, увидѣлъ между оными судно сіе: и понеже было иностранное, и въ Россіи невиданное, спросилъ о употребленіи и дѣйствіи его, у искуснаго нѣкоего при себѣ иноземца. Отъ отвѣта же онаго увидѣвъ, какъ дивно на парусахъ ходитъ, великую возымѣлъ охоту употребить онаго къ плаванію. И такъ первѣе самаго судна сего ходу на рѣкѣ Яузѣ отвѣдавъ, скоро на озерѣ Переяславскомъ сдѣланными повелѣніемъ его величества большими судами любопытство свое лучше исполнилъ. Тоей же охоты и на другомъ ширшемъ озерѣ Кубінскомъ, а потомъ и на морѣ Бѣломъ или Архангельскомъ съ радостію употребилъ. Отъ таковыхъ же водоплавныхъ утѣхъ, двинулся всеприлежнымъ попеченіемъ и къ преползѣннѣйшему».

Въ надписи на правой половинѣ рисунка продолжается тотъ же рассказъ: «И къ преползѣннѣйшему а до толь въ Россіи незнакомому дѣлу, самаго себѣ, и другихъ при себѣ въ Голландіи и Англіи, какъ къ строенію, такъ и къ плаванію корабельному обучилъ, и великій Россійскій флотъ сдѣлалъ, каковый зрится

нынѣ, и умножаться неперестаетъ; отъ чего Россія усугубленную силу возымѣвши, многія преславныя получила вѣкторіи, расширила предѣлы своя, врата себѣ къ сообщенію честныхъ народовъ отверзла, и благополучіе свое благословеннымъ миромъ укрѣпила, сильна и славна отъселѣ, и врагомъ страшна. Такое сіе малое судно яко доброе сѣмя было премногой намъ пользы; и того ради достойно сущи и вѣдомо и видимо быти на хартіи сей изображено показуется».

«Нарицается же судно сіе Ботъ Англійской. Ботъ по виду своему между суднами, англійской же по дѣлу и мѣрѣ англійской архитектуры: на желаніе бо вышеупомянутаго дѣда императорскаго величества, мужа въ Россіи, къ честнымъ искуствамъ, надъ тогдашній обычай, быстро охотнаго, судно сіе въ Англію сдѣлано, и оттуда въ Москву привезено».

Въ 1722 г. доставленіе ботика изъ Москвы въ Петербургъ поручено было гвардіи сержанту Кореневу, который 29 января получилъ слѣдующій высочайшій указъ:

«Вхаты тебѣ съ ботикомъ и вестъ до Шлиссельбурга на ямскихъ подводахъ и будучи въ дорогѣ смотрѣть прилежно, чтобъ его не испортить, понеже судно старое, того ради вхаты днемъ, а ночью стоять, и гдѣ есть выбоены спускать по тихоньку».

«Такожь нигдѣ по городамъ и по деревнямъ во дворы и улицы его не ставить для опасенія отъ пожаровъ, а гдѣ позоветъ случай съ онымъ остановиться, то ставить его внѣ городовъ и деревень на поляхъ далѣе отъ строеніевъ и ставить къ нему часовыхъ, для чего дается тебѣ капраль и 12 человекъ солдатъ. А пріѣхавъ въ Шлиссельбургъ, объявить оный коменданту, чтобъ его поставить въ городѣ на площади противъ церкви и велѣлъ бы его накрыть и ему сержанту съ капраломъ и съ солдатами остаться до указу въ Шлиссельбургъ при томъ ботикѣ и беречь отъ всякихъ случаевъ» *).

Подорожная Кореневу, данная вмѣстѣ съ указомъ, заключала слѣдующее:

«Отправленъ отъ насъ гвардіи нашей сержантъ Кореневъ съ ботикомъ въ Шлиссельбургъ, и при томъ ботикѣ капраль съ

*) Слова напечатанныя разрядкой вписаны рукою самого государя. Государственные Арх. кабин. дѣла, отд. I, № 39, стр. 529.

12 человѣкъ солдатъ и 2 матроса. Того для отъ Москвы до Твери, до Новгорода и до Шлиссельбурга вездѣ по городамъ и по ямамъ, подъ помянутый ботинокъ и обрѣтающимся при немъ людямъ, давать по 16 подводъ безъ всякаго задержанія, имая на оныя прогонныя деньги по указу, а ежели въ пути потребны будутъ какія путевыя припасы, или гдѣ мостъ сдѣлать и то все управителямъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ что потребно будетъ, исправлять безъ всякаго медленія и отговороки*).

Отъ того же числа шлиссельбургскому коменданту полковнику Бухольцу данъ высочайшій указъ:

«Посланъ отъ насъ отъ гвардіи сержантъ Кореневъ въ Шлиссельбургъ съ ботиномъ стариннымъ и когда онъ тотъ ботинокъ въ Шлиссельбургъ привезетъ, тогда поставивъ его въ городѣ на площади противъ церкви какъ возможно далеко отъ деревянныхъ строеній, дабы отъ пожара безопасно было, и великий накрыть, и смотри прилежно, чтобы тотъ ботинокъ чѣмъ не былъ поврежденъ**).

Всѣ эти предосторожности показывали только особенную заботливость государя о сохраненіи ботика, на самомъ же дѣлѣ перевозъ его не могъ представить большихъ затрудненій.

Дѣдушка русскаго флота величиною не превосходитъ небольшую шлюпку и вѣситъ менѣе 80-ти пудовъ. Длина его 19 футъ 9 дюймовъ, ширина 6 футъ 5 дюймовъ, высота отъ вѣла до верха 2 фута 8 дюймовъ. Высота мачты 21 футъ и флагштока 8 футъ 9 дюймовъ. Онъ выкрашенъ красною краскою и по борту его идетъ полоса состоящая изъ треугольниковъ, бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Надъ этою полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько развышенной части борта, по черному полю нарисована желтою краскою гирлянда.

На кормѣ съ наружной стороны представленъ старецъ съ посохомъ, въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ. Съ лѣвой стороны старца домъ, а съ правой судно, идущее подъ парусами. Все это рѣзное изъ дерева, также какъ и двѣ головы, въ родѣ львиныхъ, находящіяся подъ первою картиною. Съ внутренней стороны кормы, въ черномъ полѣ на бѣломъ щитѣ нари-

*) Арх. кабин. дѣлъ, отд. I, № 39, стр. 530.

**) Госуд. Арх. кабин. дѣлъ, отд. I, № 39, стр. 531.

сованъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій.

Въ маѣ 1723 г., ботикъ былъ торжественно встрѣченъ въ Петербургѣ. 27 мая государь самъ отправился за нимъ въ Шлиссельбургъ, и 29 императрица съ министрами и «генералитетомъ» прибыла въ Невской монастырь, къ которому пошли также всѣ суда, принадлежащія частнымъ лицамъ и составлявшія, такъ-называемый, Невскій флотъ. По поводу этой встрѣчи, тѣхъ изъ жителей Петербурга, которые не явились со своими судами къ торжеству, государь жестоко оштрафовалъ. На представленномъ спискѣ неявившихся, онъ собственною рукою написалъ: взять за такую знатную вину по 15 рублей за каждое судно — суммъ, для того времени, весьма значительную.

Въ 7 часовъ вечера прибылъ государь на «ботикѣ» къ Невскому монастырю. Съ нимъ находился басъ Иванъ Михайловичъ Головинъ и капитанъ-командоръ Иванъ Акимовичъ Сенявинъ. Ботикъ сопровождали яхта, на которой царь ѣздилъ въ Шлиссельбургъ, и 9 галеръ.

Суда, находившіяся у монастыря, привѣтствовали ботикъ припущеніемъ флаговъ, звуками трубъ и литавръ и пушечными выстрѣлами, которые сопровождались салютомъ изъ орудій со стѣнъ монастыря. Ботикъ отвѣчалъ тремя выстрѣлами изъ своихъ пушечекъ, на галерахъ также стрѣляли и били въ барабаны. Къ ботику поставленъ былъ почетный караулъ отъ Преображенскаго полка *).

Въ день рожденія государя, 30 мая, ихъ величества и бывшія съ ними знатныя особы, отслушали заутреню въ Невскомъ монастырѣ и въ 9-мъ часу утра, въ сопровожденіи судовъ Невскаго флота, отправились съ ботикомъ къ Троицкой площади.

При появленіи ботика «отданъ былъ ему комплементъ пушечною стрѣльбою со всего города (Петропавловской крѣпости) одинъ залпъ, а потомъ лейбъ-гвардія (построенная у троицкой пристани) бѣглымъ огнемъ одинъ же залпъ, и потомъ съ адмиралтейства».

«А какъ его величество изволилъ прибыть на помянутомъ ботикѣ къ Троицкой пристани, тогда палили съ города паки

*) Дневникъ Берхгольца, за 29-е мая 1723 года.

второй разъ изъ всѣхъ же пушекъ, а какъ изволилъ' выйти послѣ литургіи изъ церкви Свѣтѣи Троицы, палили третій разъ изъ пушекъ со всего-жѣ города, на городу поднять былъ штандартъ, и потомъ кушали всѣ знатныя персоны въ сенатскихъ палатахъ и веселились довольно, гдѣ изволилъ присутствовать его величество своею особю; въ вечеру учиненъ былъ на водѣ фейверкъ близъ Троицкой пристани, пусканы ракеты верховныя и водяныя, и заженъ былъ фейверкъ, и потомъ, по-полуночи, разѣхались *).

Въ этотъ день за обѣдомъ, въ присутствіи государя, предложено было только четыре тоста, которые сопровождались салютами царской яхты или, какъ ее тогда называли, «Транспорта», стоявшей на Невѣ и разцѣвленной флагами. Первый, обычный въ началѣ всякаго подобнаго пира, былъ тостъ — во славу Божію, второй — въ честь августѣйшаго новорожденнаго; третій — въ честь дѣдушки русскаго флота, и четвертый — за здоровье семейства Ивана Михайловича (Головина), то-есть, за благоденствіе русскаго флота, потому что Головинъ, былъ главное лицо по части кораблестроенія **).

Послѣ этого торжества, ботикъ былъ поставленъ въ адмиралтейство и о томъ, какія принимать предосторожности для сохраненія его, въ случаѣ опасности, капитанъ-командоромъ Синявинымъ объявленъ былъ слѣдующій царскій указъ:

«Сего іюня, 2 дня, его императорское величество изволилъ приказать мнѣ, чтобъ во время грома и молніи всѣ люди, находящіеся въ адмиралтействѣ на обѣихъ вахтахъ, морской и сухопутной, были въ осторожности и съ пожарными инструментами въ готовности, а когда какое несчастіе отъ грома или отъ огня (отъ чего Богъ да сохранитъ) случится, тогда ботъ, который, по именному его императорскаго величества указу, поставленъ на верфи сего же іюня 2 числа, оставляя другія нужды, спускать на воду, чтобъ оному никакого поврежденія не было ***)».

Въ августѣ мѣсяцѣ государь пожелалъ сдѣлать почетный пріемъ дѣдушекъ русскаго флота среди его взрослыхъ много-

*) «Повседневныя» записки, веденныя въ санктпетербургской комендантской канцеляріи.

**) Дневникъ Берхгольца, за 30-е мая 1723 года.

***) «Главн. Мор. Арх. Дѣл. Адм. Кол.», 1723 г., № 20, стр. 560.

численныхъ внуковъ. По этому случаю въ Котлину собранъ былъ флотъ изъ 20-ти линейныхъ кораблей и одного фрегата*), не считая мелкихъ судовъ. Три изъ кораблей имѣли 90 и болѣе орудій, четыре 88; меньшее число орудій на кораблѣ было 54; а общее число на корабляхъ и фрегатахъ около полуторыхъ тысячъ.

Флотъ состоялъ подъ начальствомъ генералъ-адмирала, графа Ѳ. М. Апраксина, авангардіею командовалъ адмиралъ Крюйсъ а арріергардіею государь, подъ именемъ адмирала Петра Михайлова **). Вице-адмиралъ князь Меншиковъ имѣлъ свой флагъ на одномъ изъ кораблей кордебаталіи.

7-го августа, генералъ-адмиралъ далъ слѣдующій «ордеръ, какимъ образомъ для встрѣчи ботива каждому кораблю чинить пушечную пальбу».

«1) Когда генералъ-адмиралъ съ корабля своего будетъ стрѣлять изъ пушекъ, и когда 7 выстрѣловъ пройдетъ, тогда всѣмъ кораблямъ зачать вдругъ и выстрѣлить изъ всѣхъ пушекъ и потомъ немедленно заряжать пушки».

«2) Когда ботикъ противъ котораго корабля проходить станетъ, а еще не поровняется, тогда тому кораблю спустить свой командующій флагъ или вымпелъ до дека и зачать стрѣлять изъ всѣхъ пушекъ, пушка за пушкою, а для поспѣшенія поставить у всякой пушки съ фитилемъ и какъ возможно скорѣе стрѣлять, дабы въ то время выстрѣлить, пока боть его проходить и дать время другому кораблю за нимъ стоящему стрѣлять, а когда выстрѣлитъ, тогда командующій флагъ или вымпелъ пакъ поднять и тотчасъ всѣ флаги и вымпелы распустить, сколько у кого на кораблѣ есть».

«3) Для береженья у пушекъ нижняго дека клинья вынять, и сколько возможно, задъ ниже у пушекъ опустить, дабы вреднѣмъ не учинить, которые въ боту и при немъ мимо флота пойдутъ».

«4) Когда боть пойдетъ въ гавань и съ корабля генералъ-адмирала стрѣлено будетъ изъ пушекъ, какъ и первый разъ, и

*) Оригинальное письмо и повелѣніе Петра I, хранящіяся въ «Ковч. Адмиралт. Совѣт.», стр. 70.

**) Главн. морс. арх. «Сборникъ инструкцій, 1704—1726 гг.»

когда седьмая пушка выстрѣлится, тогда всѣмъ зачать и стрѣлять изъ всѣхъ, пушка за пушкою *)».

Въ день встрѣчи, ботика разрѣшалось господамъ флагманамъ, на свою волю, при какомъ здоровьѣ, палить изъ пушекъ столько, сколько на кораблѣ есть, а не больше. Капитанъ-командирамъ и капитанамъ вполы (въ половину) сколько на кораблѣ имѣется **).

Для предосторожности, словесно призывалось: «Во время салюта, орудія на сторонѣ, обращенной къ ботику, заряжать безъ пыжей».

Днемъ торжественнаго приѣма «Дѣдушки русскаго флота» назначено было 11-е августа. Ботикъ, поставленный въ Петербургѣ на гальотъ, былъ, въ сопровожденіи невскаго флота, перевезенъ къ Котлину и поставленъ за военною гаванью. Въ 11-мъ часу утра, государь прибылъ на генераль-адмиральскій корабль «Гангутъ» и «пожаловалъ всѣхъ флагмановъ новыми тафтяными шлюпочными флагами, которые тотчасъ всѣ адмиралы и подняли на своихъ шлюпкахъ ***).

Отъ корабля «Гангутъ», стоявшаго противъ среднихъ воротъ купеческой гавани, девять флагмановъ отправились въ ботику, на своихъ шлюпкахъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди генераль-адмиралъ, за нимъ въ рядъ два адмирала (Петръ Михайловъ и Крюкъ), за ними три вице-адмирала (князь Меншиковъ, Сиверсъ и Гордонъ) и за ними три контръ-адмирала (Сандерсъ, Наумъ Синявинъ и лордъ Дуфусъ) ****).

По прибытіи въ гальоту и принятіи ботика отъ капитанъ-командора Синявина, какъ отъ ботмана, флагманы спустили ботикъ на воду, поставили мачту и, поднявъ на ней штандартъ, пошли къ флоту.

Государь, предоставивъ первое мѣсто генераль-адмиралу, самъ принялъ должность квартирмейстера и правилъ рулемъ. Въ гребцы сѣли вице-адмиралы: Сиверсъ и Гордонъ, и контръ-адмиралы: Наумъ Синявинъ и Сандерсъ; князь Меншиковъ, пра-

*) Оригинальн. письма и повелѣнія Петра I, хранящіяся въ Ковчегѣ адмир. совѣт., стр. 69.

**) Журналъ мичмана (вице-адмирала) Нагаева, веденный на кораблѣ «Нептунъ».

***). Журналъ мичмана Нагаева.

****) Глав. морс. арх. «Сборникъ инструкцій».

ва должность лоцмана, измѣрять лотомъ глубину моря, а оберъ-цейхмейстеръ Отто, исправляя обязанность канонира, отвѣчалъ изъ пушекъ ботика на салюты кораблей.

Ботикъ буксировали всѣ флагманскія шлюпки, прекрасная погода благопріятствовала торжественному шествію. Императрица, вся царская фамилія и приглашенные особы смотрѣли на церемонію съ крѣпости.

На флотѣ «Дѣдушку» приняли согласно вышеприведенному церемоніалу и когда онъ, въ 12-мъ, часу обойдя всю линію кораблей, возвращался назадъ, то при проходѣ его на каждомъ кораблѣ били походъ, играли на трубахъ и люди стояли по вантамъ. Когда онъ вошелъ въ военную гавань, гдѣ находился Невскій флотъ, тогда снова раздался салютъ со всѣхъ кораблей, гавани, крѣпостей и судовъ Невскаго флота.

Торжество заключилось обѣдомъ, приготовленнымъ на военной гавани въ палаткахъ изъ корабельныхъ парусовъ.

Кромѣ императорской фамиліи, иностранныхъ пословъ и знатныхъ особъ, въ столу приглашены были всѣ флагманы и капитаны морскіе и «другіи генералитетъ», «причемъ застольная изъ пушекъ стрѣльба произведена была съ корабля Екаторина (на которомъ имѣлъ флагъ адмиралъ Петръ Михайловъ) и съ военной гавани многая» *).

Ботикъ, на томъ же гальотѣ, въ сопровожденіи Невскаго флота, отправился въ Петербургъ, и при отходѣ съ гавани салютовали ему 31 выстрѣломъ.

Въ Петербургѣ онъ простоялъ на гальотѣ до 30 августа, то есть, до дня, въ который праздновалось заключеніе мира со шведами, и долженъ былъ начаться громадный маскарадъ, продолжавшійся цѣлую недѣлю. Въ этотъ день, государь приказалъ поставить свой ботикъ на покой, въ Петропавловскую крѣпость. Въ 4-мъ часу по полудни, собрались «всѣ знатныя персоны» на Троицкую пристань въ маскарадномъ платьѣ. Лица, участвовавшія въ маскарадѣ, обойдя пирамиду «четырехъ фрегатовъ», воздвигнутую на Троицкой площади, сѣли на гребни суда и, вслѣдъ за ботикомъ, отправились къ Невской пристани Петропавловской крѣпости. Шведскія плѣнныя суда были выведены

*) «Повседневныя записки» комендантской канцеляріи.

въ этому дню на Неву и поставлены противъ Троицкой площади. Когда ботикъ подошелъ къ крѣпости, то съ него палили изъ пушекъ, а когда поставили его на мѣсто, въ «государевомъ больверкѣ», то крѣпость и въ честь его отсалютовала 21-мъ выстрѣломъ *). При установкѣ ботика, присутствовалъ самъ государь. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ «зажиганы были во всѣхъ домахъ по окнамъ свѣчи».

Несмотря на такіе торжественные проводы «Ботика», помѣщеніе его въ крѣпости было не очень удобно. Онъ стоялъ въ открытомъ казематѣ, и только 11-го февраля (1724 г.), его прикрыли брезентомъ (крашенною парусиною) и самый казематъ защитили отъ дождя и свѣга старыми парусами **).

Въ день 30 августа 1724 года, по указу его величества, ботикъ въ 6-мъ часу утра взяли изъ крѣпости для отвода къ Невскому монастырю.

«Въ 31-й день, его величество и прочіе всѣ знатныя персоны были въ Невскомъ же монастырѣ. Того жъ числа, по полудни въ 6 часу, какъ его величество прибылъ на ботикѣ изъ Невскаго монастыря въ С.-Петербургъ, и какъ поровнялся противъ города, и тогда съ онаго ботика, а потомъ, мало обождая, палили изъ всѣхъ парусныхъ судовъ изъ пушекъ; а потомъ отдали честь съ города ботику изъ 21 пушки. На городу того-жъ числа поднять былъ штандартъ. Его величество на упомянутомъ ботикѣ своею высокою особою изволилъ ѣхать до самой Невской пристани и потомъ изволилъ сѣсть въ верейку, и поѣхалъ въ домъ князя Меншикова, куда и прочія знатныя персоны слѣдовали; и были въ домѣ князя Меншикова на ассамблеѣ; и упомянутой ботикъ обратно ввезенъ въ гарнизонъ (въ крѣпость), и поставленъ въ прежнее мѣсто».

Черезъ день послѣ этого торжества (2 сентября), послѣдовалъ высочайшій указъ, которымъ повелѣно «ботикъ въ 30-мъ числѣ (августа), для торжественнаго выводить повсегодно на воду и имѣть при Александро-Невскомъ монастырѣ ***)».

Однакожъ, съ кончиною великаго государя, и настоящій указъ, въ числѣ многихъ другихъ, оставался неисполненнымъ до цар-

*) Доп. къ дѣян., т. XIV, стр. 166 изд. 1794 г. и «Повседневныя записки».

**) Журн. адмирал. коллегіи.

***) Повседневная записка.

ствованія императрицы Елисаветы Петровны. Не ранѣе 1744 года, вспомнили старый ботикъ и тогда торжественно вывели его къ Невскому монастырю, слѣдующимъ порядкомъ:

«По полуночи въ 4-мъ часу, наряжена галера, имянуемая Днябрь, съ опредѣленными служителями, и при ней съ однимъ венеціанскимъ ботомъ и съ шестью шлюпками, снявшись съ явора, пройдя въ верхъ по Невѣ рѣкѣ, мостъ прошедеъ, къ С.-Петербургской крѣпости, легла противъ невскихъ воротъ на якорѣ».

«Прежде прибытія той галеры, ботикъ изъ крѣпости вынесенъ былъ и поставленъ на опредѣленной отъ адмиралтейства безпалубной ботъ и оный ботикъ надлежащимъ такелажемъ оснащенъ».

«Къ той же крѣпости прибылъ съ яхтеннымъ и буернымъ Невскимъ флотомъ господинъ интендантъ князь Несвитскій, и противъ оной же крѣпости легли на якорѣ».

«А въ 8 часовъ, принявъ приказъ отъ господина генералъ-лейтенанта и оберъ-коменданта и кавалера Игнатьева, чтобъ вышеописанный ботикъ, взявъ на буксиръ галерою, слѣдовать къ Александро-Невскому монастырю вверхъ по Невѣ рѣкѣ, почему тотъ ботикъ отъ пристани къ галерѣ былъ буксированъ двумя 12-весельными шлюпками; и какъ со онымъ отъ пристани отвалили, то, въ тотъ самый моментъ, поднять на кормѣ онаго ботика флагъ бѣлой съ синимъ Андреевскимъ крестомъ, (на носу) гюйсъ и (на мачтѣ) вымпелъ, и того часа съ галеры учиненъ былъ салютъ изъ 13 пушекъ; и когда съ галеры оной ботикъ принять былъ на буксиръ и выступили въ походъ съ битіемъ въ барабанъ и съ играніемъ музыки, на трубахъ и литаврахъ, то, въ самой тотъ часъ, изъ Петербургской крѣпости учиненъ салютъ изъ 21 пушки, и потомъ слѣдовала Адмиралтейская крѣпость; и съ ботика онымъ отвѣтствовано изъ 3-хъ пушекъ. Послѣ того, салютовалъ Охтенной и Буерной флотъ изъ всѣхъ пушекъ, сколько на ономъ находилось, которому отвѣтствовано съ ботика изъ 3-хъ же пушекъ».

«По полудни того-же числа въ 1 часу, прибыли противъ монастыря Александро-Невскаго, и тогда учиненъ былъ салютъ съ ботика изъ 3-хъ, да съ галеры изъ 12 пушекъ, на что изъ монастыря отвѣтствовали равнымъ числомъ, и противъ онаго мо-

настыря легли на якорь, и галера убрана была флагами и вымпелами».

«По окончаніи молебна, изъ монастыря палили изъ пушекъ, а потомъ изъ галеры выпалено изъ 13 пушекъ».

«Въ 5 часу, принявъ приказъ отъ вышепомянутаго господина генераль-лейтенанта и оберъ-коменданта и кавалера Игнатьева, чтобъ съ ботикомъ слѣдовать обратно къ С.-Петербургской крѣпости, и поднявъ якорь, пошли отъ того монастыря, и тогда учиненъ салютъ изъ 21, а на то отвѣтствовано съ ботика изъ трехъ, съ галеры изъ 12 пушекъ; при томъ же, въ монастырѣ продолжался и колокольный звонъ, а галера съ барабаннымъ боемъ и съ игравіемъ на трубахъ и литаврахъ слѣдовала. Помянутой яхтенной и буерной флотъ за противнымъ вѣтромъ не дошелъ до монастыря, стоялъ на якорѣ выше лѣшняго его императорскаго величества дому, на Невѣ рѣкѣ, и когда галера съ ботикомъ поверсталась противъ его, то съ онаго флота учиненъ былъ салютъ изъ всѣхъ пушекъ, которому съ ботика отвѣтствовали изъ 3 пушекъ».

«Въ 6 часу прибыли къ С.-Петербургской крѣпости и отъ галеры отданъ былъ буксиръ, а ботикъ принять для буксированія къ пристани двумя 12-весельными шлюпками, тогда съ галеры выстрѣлено изъ тринадцати пушекъ, и не доходя пристани съ ботика учиненъ былъ салютъ крѣпости изъ 3-хъ, а ему отвѣтствовано съ той крѣпости изъ 21 пушки, а потомъ изъ адмиралтейства, и оной ботикъ къ пристани приведенъ благополучно, которой, въ тотъ же часъ, господиномъ генераль-лейтенантомъ и принять, и поставленъ въ его надлежащее мѣсто въ той крѣпости» *).

Подобная церемонія повторилась и въ слѣдующемъ 1745 году.

«30 числа августа, пополудни въ 6 часу наряженная галера, именуемая Жаръ, подъ командою капитана Кашкина, взявъ изъ Петропавловской крѣпости ботикъ и поставя оный на безпалубный ботъ, которой покрытъ былъ по воду краснымъ сукномъ, буксировала вверхъ по Невѣ рѣкѣ, а предъ нею шли двѣ 12-тивесельныя шлюпки со служителями съ наряднымъ мундиромъ и на нихъ по два трубача».

*) Повседневная записка.

«За ними слѣдовали: въ церемоніи корабль св. Варвары, стоящій при дворѣ ея императорскаго величества яхты, всѣхъ флагмановъ и коллегій адмиралтейской членовъ и морскихъ капитановъ шлюпки, а партикулярной верфи всѣ гребные суда, сколько оныхъ тогда набралось».

«Для ботика на 2-хъ шлюпкахъ и на галерѣ играли на трубахъ и литаврахъ и били въ барабанъ походъ, тожъ чинили на кораблѣ и яхтахъ. Въ 11 часу передъ полуднемъ, прибыли къ Невскому монастырю и противъ берега онаго, какъ корабль такъ и яхты, стали на якорь, а ботикъ поставили сначала къ пристани, поднявъ тогда на мачтѣ вымпелъ, а на кормѣ и на носу ординарные флаги, при чемъ и всѣ шлюпки находились».

«Въ 12 часу, на кораблѣ при выстрѣлѣ изъ пушки поднять былъ молитвенной флагъ, по окончаніи литургіи и молебнаго пѣнія, какъ архіерей с.-петербургской съ надлежащимъ своимъ клиромъ и по облаченіи вышелъ и покропилъ оный ботикъ святою водою, тогда въ Невскомъ монастырѣ выпалено изъ 11-ти, а потомъ съ корабля изъ 21 пушекъ, съ яхтъ по 11 пушекъ».

«По полудни во 2 часу, по сигналу поднять былъ на кораблѣ съ гротъ-стенгъ-саленга флагъ перваго адмирала, изъ монастыря производилась изъ пушекъ пальба; первой разъ изъ 31, три раза по 21, два раза по 15 пушекъ, а потомъ и съ корабля, по сигналу-жъ, выпалено изъ всѣхъ пушекъ, также съ яхтъ и галеры. Въ 3-мъ часу, подняли съ гротъ-стенгъ-саленга флагъ красной, палили изъ монастыря изъ 31 пушки. Въ 4-мъ часу, какъ изъ Невскаго канала вышелъ ботикъ и за нимъ около 20-ти шлюпокъ въ Неву поверстался противъ корабля, кричали съ корабля 7 разъ ура. Съ робите, на которомъ ея императорское величество изволила сидѣть, отвѣтствовали одинъ разъ, потомъ съ корабля отвѣтствовали вторично 3 разъ «вивать». Потомъ стали палить изъ пушекъ, когда выпалили изъ пушки, то подняли на ботикѣ штандартъ, тогда чинилась съ корабля пальба, съ яхтъ и галеры чинили тожъ. Съ ботика палили изъ 3-хъ пушекъ. Галера пошла съ ботикомъ въ Петербургъ, а потомъ раздѣлили корабль и яхты флагами и играми на трубахъ, били въ литавры. Въ 5 часу, спустили съ корабля и яхтъ флаги. Въ 6 часу корабль снявшись съ якора, слѣдовалъ отъ Невскаго

монастыря внизъ по Невѣ буксиромъ. Въ 9-мъ часу, корабль, не дошедъ литейнаго двора, легъ на якорь».

«Бывшему-жѣ на галерѣ Жарѣ командующему капитану Каминну, въ указѣ изъ коллегіи, между прочимъ предписано: какъ выпиписанной ботикъ изъ Невскаго монастыря приблизится къ С.-Петербургской крѣпости, тогда съ оной крѣпости салютовать напередъ изъ 35 пушекъ, да съ Адмиралтейской крѣпости изъ 31 пушки, выждавъ прежде въ С.-Петербургской крѣпости до пяти выстрѣловъ; напротивъ же того, съ ботика изъ 3 пушекъ, и поставить его въ надлежащее мѣсто».

Въ 1746 и 1750 годахъ также готовились къ торжественному выводу ботика, но оно не состоялось.

При празднованіи столѣтія Петербурга, 16 мая 1803 года, «Дѣдушка Русскаго флота» находился на палубѣ стоявшаго на Невѣ 110-пушечнаго корабля Гавріиль, гдѣ почетными стражами были четыре столѣтніе моряка Петровскаго времени.

Въ послѣдній разъ ботикъ выводился въ царствованіе императора Николая Павловича, 3 іюля 1836 года. Это торжество, по характеру своему, было единственнымъ повтореніемъ Петровскаго; въ обоихъ случаяхъ знаменитый дѣдъ торжественнымъ образомъ являлся передъ своимъ потомствомъ.

Для принятія ботика, іюня 28-го въ 9 часовъ утра, капитанъ надъ главнымъ гребнымъ портомъ отправился на катерѣ подъ своимъ флагомъ, отъ главнаго адмиралтейства къ Петропавловской крѣпости. За нимъ слѣдовалъ адмиралтействъ-совѣтъ на катерѣ подъ адмиралтейскимъ флагомъ, которому крѣпость салютовала 15-ю выстрѣлами, на что съ катера отвѣчали равнымъ числомъ. Прибывъ въ крѣпость, адмиралтействъ-совѣтъ принялъ ботикъ отъ крѣпостнаго коменданта и, первый о приѣмѣ, а второй о сдачѣ, донесли государю императору.

Когда ботикъ спущенъ былъ на воду нижними чинами гвардейскаго экипажа, имѣвшими знаки военнаго ордена, капитанъ надъ портомъ взялъ его на буксиръ своего катера и повелъ внизъ по Невѣ; катеръ же съ адмиралтействъ-совѣтомъ слѣдовалъ за ботикомъ. Когда послѣдній отошелъ отъ берега, крѣпость отсалютовала ему 31 выстрѣломъ.

Противъ новаго адмиралтейства ботикъ взять на буксиръ пароходомъ Охта, на которомъ, по прибытіи адмиралтействъ-со-

вѣта, и поднять былъ адмиралтейскій флагъ. Пароходъ Охта повелъ ботикъ въ Кронштадтъ и по приближеніи его Кронштадтская крѣпость встрѣтила ботикъ салютомъ 31-мъ выстрѣломъ.

Здѣсь ботикъ поставленъ былъ въ военной гавани, и къ нему для дежурства наряженъ былъ штабъ-офицеръ, на часы же поставлены два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа.

2 іюля, около 6 часовъ вечера, ботикъ былъ выведенъ изъ военной гавани въ среднюю и поставленъ на стоявшій тутъ военный пароходъ Геркулесъ, на который тогда же перенесли и адмиралтейскій флагъ. На шканцахъ этого парохода, для помѣщенія ботика, было устроено особое возвышеніе, наравнѣ съ ютомъ, такъ, чтобы ботикъ былъ хорошо видимъ съ кораблей, когда повезутъ его мимо флота. Возвышеніе это покрыли алымъ сукномъ, со свѣсами до палубы парохода.

На время церемоніи къ ботику, кромѣ караула отъ гвардейскаго экипажа, состоявшаго изъ оберъ-офицера, двухъ унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ, поставленъ былъ почетный караулъ роты дворцовыхъ гренадеръ, изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, трехъ унтеръ-офицеровъ, двухъ музыкантовъ и 14 рядовыхъ. Отъ каждаго флотскаго экипажа «въ видѣ депутатовъ» велѣно было прислать на пароходъ Геркулесъ заслуженныхъ квартирмейстеровъ и матросовъ, а также изъ каждой (морской) артиллерійской бригады по одному нижнему чину.

У самаго ботика поставлены шесть часовыхъ: у кормы—два дворцовыхъ гренадера, по бокамъ противъ середины,—два унтеръ-офицера гвардейскаго экипажа и у носу—два гардемарина.

На бакѣ ботика разложенъ былъ штандартъ, сохранившійся отъ временъ Петра Великаго.

Въ назначенный для церемоніи день, 3 іюля, погода стояла прекрасная, небо было ясно и дулъ тихій западный вѣтеръ. Множество желающихъ видѣть такое рѣдкое торжество прибыли изъ Петербурга и Петергофа на частныхъ пароходахъ. На рейдѣ, подъ начальствомъ адмирала Кроуна, стоялъ весь балтійскій флотъ за исключеніемъ эскадры, находившейся на пути изъ Архангельска. Среднюю линію составляли 26 кораблей; въ параллель корабельной, стояла къ югу линія фрегатовъ, а къ сѣверу мелкихъ судовъ. Кромѣ того, на рейдѣ были: 3 корвета, 5 пароходовъ участвовавшіе въ церемоніи, и одинъ брандвахтенный

фрегатъ, державшійся во все время подъ парусами. Такимъ образомъ, всего на рейдѣ при шествіи ботика находилось 72 военныхъ судна.

Полутру 3-го іюля, пароходъ Геркулесъ стоялъ на маломъ кронштадтскомъ рейдѣ, подъ адмиралтейскимъ флагомъ. Въ полдень двинулись изъ Петергофа военные пароходы. Передовой изъ нихъ, Ижора, подъ флагомъ генераль-адмирала, приближаясь къ Кронштадту въ половинѣ 1-го часа по полудни, салютовалъ ботику 31 выстрѣломъ, подойдя же къ Геркулесу, всѣ пароходы вмѣстѣ съ нимъ шли на большой рейдъ.

Геркулесъ съ ботикомъ открывалъ шествіе, за нимъ слѣдовалъ пароходъ Ижора, далѣе пароходы Александрія, Нева и Охта. Всѣ почести отдаваемы были ботику, по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ большому рейду. Сухопутныя войска, поставленныя на бастионахъ средней и купеческой гаваней, при проходѣ ботика дѣлали на караулъ, били походъ и кричали ура! Потомъ салютовалъ ему, 31 выстрѣломъ, флагманскій корабль, а послѣ того, въ часъ по полудни, когда пароходъ Ижора приблизился къ линіи кораблей, крѣпость и адмиралъ салютовали поднятому на Ижорѣ флагу генераль-адмирала 21 выстрѣломъ, на что отвѣчали имъ съ парохода 11 выстрѣлами. Вскорѣ затѣмъ на всемъ флотѣ послали людей по реямъ, и Геркулесъ, сопровождаемый прочими пароходами, пошелъ вдоль корабельной линіи, по сѣверную ея сторону. При прохожденіи ботика, на каждомъ кораблѣ, караулъ отдавалъ ему честь съ барабаннымъ боемъ и люди, стоявшіе на реяхъ, кричали пять разъ ура!

Геркулесъ, обойдя всю корабельную линію и возвращаясь по другой ея сторонѣ, въ половинѣ 3 часа по полудни, всталъ на якорь противъ адмиральскаго корабля по сѣверную его сторону. Тогда на ботикѣ подняли штандартъ и со всего флота, крѣпости и отдѣльныхъ фортовъ на рейдѣ произведенъ былъ салютъ изъ всѣхъ орудій.

По окончаніи общаго салюта, пароходъ Геркулесъ отвѣчалъ, вмѣсто ботика, 7-ю выстрѣлами, и тогда же по сигналу генераль-адмирала, люди сошли съ реевъ и марсовъ, и всѣ суда разцвѣтились флагами. Послѣ того государь императоръ, находившійся со всею августѣйшею фамиліею во все время церемоніи на пароходѣ Ижора, въ 3 часа по полудни, отправился на паро-

ходъ Геркулесъ, имѣя на катерѣ своемъ флагъ генералъ-адмирала. За императоромъ слѣдовали морскія начальствующія лица на катерахъ, подъ флагами, присвоенными ихъ званію. По отданіи на Геркулесѣ чести ботику, его величество и всѣ бывшія съ нимъ особы возвратились на пароходъ Ижора и, въ 3^{1/2} часа по полудни, Геркулесъ, сопровождаемый прочими пароходами, пошелъ съ рейда. На судахъ, мимо которыхъ проходилъ ботикъ, караулы отдавали честь и били походъ. Государь императоръ, проводивъ Геркулесъ до малаго рейда, возвратился въ Петергофъ.

Послѣ этого, ботикъ тѣмъ же порядкомъ отведенъ былъ въ С.-Петербургу и, на другой день, сданъ адмиралтействъ-совѣтомъ въ Петропавловскую крѣпость.

Такъ окончилось послѣднее торжество ботика и съ тѣхъ поръ онъ, въ устроенномъ для него каменномъ павильонѣ, опять мирно стоитъ близъ могилы основателя русскаго флота.

Въ будущемъ 1872 году, Москвѣ предстоитъ вновь увидѣть его въ такой обстановкѣ, которая наглядно покажетъ, что духъ Петра жилъ и живетъ до сихъ поръ въ русскомъ флотѣ, и что моряки наши и послѣ Петра продолжали во время мира и войны трудиться по его примѣру.

Разнообразные предметы будущей политехнической выставки представятъ образцы того, что выработано наукою и искусствомъ по всѣмъ отраслямъ морского дѣла, а о военныхъ заслугахъ нашихъ моряковъ, совершенныхъ по кончинѣ царственного адмирала, краснорѣчиво свидѣлствуютъ славныя имена Чесмы, Наварина, Синопа и, особенно, незабвеннаго Севастополя, обезсмертившаго своихъ героевъ-защитниковъ, въ числѣ которыхъ одно изъ первыхъ мѣстъ занимали моряки.

Морской отдѣлъ выставки представляетъ всестороннее развитіе геніальной мысли царя, возбужденной старымъ ботикомъ, а потому, какъ бы ни были любопытны и полезны выставленные въ «отдѣлѣ» предметы, самымъ драгоценнымъ изъ нихъ, конечно, будетъ старый ботикъ Петра Великаго, маститый «Дѣдушка» русскаго флота.

Ө. Ө. Веселаго

